

Рождение традиции

Культурология: теория и история культуры: учеб. пособие для студентов вузов / И.Е. Ширшов, К.И. Баландин, В.В. Качановский [и др.]; под общ. ред. И.Е. Ширшова. – 2-е изд., испр. и перераб. – Минск: Экоперспектива, 2010. – 543 с.: 16 л. цв. ил.

Именно в предложенном контексте любопытно было бы рассмотреть книгу, которая во всех отношениях привлекает интерес, ибо фокусирует внимание на обозначенной проблематике. Думаю, «Культурология» (для краткости будем называть учебное пособие именно так) может стать для отечественной гуманитарной науки своего рода прецедентом, способным превратиться в отправную точку для целого ряда традиций.

Книга открывается кратким напутствием, которое подписано Александром Суриковым, Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Республике Беларусь, и Василием Долголевым, Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Беларусь в Российской Федерации. В предисловии, в частности, отмечено: «Настоящее учебное пособие предназначено для изучения ключевых проблем культуры в вузах Беларуси и России. Оно представляет собой первый опыт презентации общего информационного и образовательного пространства в рамках Союзного государства» (с. 6). Очень хотелось бы надеяться, что этот опыт будет способствовать «сближению уровней гуманитарной компетенции белорусских и российских студентов» и заложит фундаментальной и творчески продуктивной традиции.

В учебном пособии уточняются и конкретизируются фундаментальные категории культурологии – науки, ищущей свое

Опыт человечества убеждает, что культурные прорывы (то есть новые, заслуживающие внимания концепции, гипотезы, теории) являются не удачей или стечением обстоятельств, а результатом плодотворного периода накопления, своеобразного периода ученичества, когда закладываются традиции. В гуманитарных науках, как и в науке вообще, чудес не бывает – без традиций ничего нового не создашь. Традиция новаторства, традиция культурных подвигов, традиция законодателей культурных мод и революций, традиция тонко интерпретировать (тем самым – корректировать) систему ценностей в культуре, отчасти влиять на процесс «духовного производства» – эти в полном смысле традиции, возможно, самые главные в культуре.

место в постоянно расширяющемся и одновременно тесно интегрирующемся спектре гуманитарных дисциплин. Подобные работы вечно актуальны или, если угодно, актуальны по определению. Это концептуальная работа, в полном и точном смысле пусть и поистерпевшегося нынче понятия (часто за концепции выдаются малоубедительные «точки зрения», «мнения», а то и «впечатления» с «ощущениями»: в эпоху постмодернового плюрализма, эпоху чудес, возможно все. – Авт.).

На первый взгляд – ничего особенного: культура (элитарная, массовая, материальная, духовная, художественная), ее структура и функции, миф, символ, архетип, традиция, классическая литература. Все как положено. Однако гуманитариям как никому другому должно быть понятно: новое в науке – это не столько неизвестные ранее факты, сколько новые отношения хорошо известных фактов. *Отношения и процесс* – вот, по большому счету, объект исследования всех без исключения наук (даже математики и физики). Именно отношениями *цивилизации и культуры* озабочены авторы учебного пособия в первую очередь. Данные отношения перерастают в качество, которое можно определить как «культурологический социотризм». С этой точки зрения в работе, безусловно, содержится нечто новое, а именно: по-новому «определяется «система координат» культурологических и других гумани-

тарных наук путем анализа содержания и взаимосвязи фундаментальных понятий: «культура» и «цивилизация», «материальная культура» и «духовная культура», «художественная культура» и «художественный стиль», «элитарная культура» и «массовая культура», «этническая культура» и «национальная культура», «мировая культура» и др. В результате реконструируется *система* названных и смежных понятий, а также соответствующая ей типология культуры» (с. 7). Это стало возможным благодаря подходу системному, синтезирующему разные «аспекты и контексты»: художественные и научные.

Андреа Аппиани.
«Аполлон на Парнасе среди муз».
1811 год

Представленная работа – попытка именно синтезирующего подхода. Чем не основа для традиции? Вполне в духе времени: только ленивый не клянется сегодня именем системы, синтеза, целостности, синергетики, бифуркации или тезауруса. Связь всего со всем становится «религией» науки (при этом, как ни парадоксально, к диалектике, методологически обеспечивающей связь всего со всем, относятся со все большим подозрением). Поэтому концептуальные параметры не определяются автоматически указанием на «системность»; они упираются в то, как выстраиваются отношения в целостности. Обратим внимание: уже сама постановка вопроса свидетельствует о высоком уровне мышления, о научности подхода. Это – во-первых.

Во-вторых, обратим внимание на общий, как бы ритуальный, ни к чему не обязывающий момент, который в сегодняшнем контексте следует воспринимать едва ли не как культурное достижение. Речь идет о размытом, неопределенном статусе духовной культуры. Духовное, которое на практике не

является главным регулятором поведения, часто упоминается лишь для того, чтобы о нем тут же забыть. Это некий идеал, отвлеченность, условная ценность; культурный человек обязан отвесить поклон в его сторону – таковы правила хорошего тона. А в данном случае – перед нами методологически выдержанная установка: приоритет духовного в иерархически выстроенной системе ценностей не подвергается сомнению. Методологические параметры предлагаемого культурологического дискурса обозначены в первой, теоретической части работы, написанной И.Е. Ширшовым. «В целом культурные (прежде всего духовные) ценности выдвигаются на первый план по сравнению с непосредственно жизненными (в частности, потребительскими), социальными, экономическими, политическими и другими, поскольку несут на себе печать меры, подвижного равновесия (гомеостаза), гармонии и в той или иной степени проявляют эстетические предпочтения индивидов» (с. 31).

В связи с этим главной ценностью культурологических построений объявляется личность: «Под углом зрения гуманистической культуры, личность первична, общество вторично; личность – *цель*, общество – *средство*» (с. 30). Собственно, личность (а не человек) – мера всех вещей. *Персоцентризм* как императив культуры становится вектором и целью культурного прогресса (и, соответственно, культурологической концепции). О традиции подобного «культу личности» сегодня можно только мечтать.

Отметим, что установка на духовную составляющую культуры поддержана гуманистическим характером прогностики, открытым и, я бы сказал, трогательным. «В третьем тысячелетии преобразится облик (обще)национальных и (супер)региональных цивилизаций; появятся новые типы коллективности и государственности; произойдет комплексная гуманистическая перестройка технико-технологических, социально-экономических, политических систем; сложится кооперативное управление планетарно-космическим мировым хозяйством; утвердится интегральное знание о природе и человеке. Позади останется тушковый путь» (с. 47).

Можно было бы сказать, что все это не более чем благородные намерения и пожелания по-рыцарски настроенного автора, однако в приведенном тезисе присутствует и некая экзистенциальная правота. Другого пути, собственно, у нас нет. Согласимся. Сегодняшняя культура в значительной степени не является культурой как таковой: преобладание силовой (природной, бессознательной) регуляции во всем комплексе человеческих отношений над культурной (в конечном счете – сознательной) очевидно. И.Е. Ширшов это прекрасно понимает. Вот тонкое его наблюдение: «Подвижное динамическое равновесие (гомеостаз) между культурой и цивилизацией в обществе массового потребления сегодня нарушено из-за (замеченного еще О. Шпенглером в «Закате Европы») превращения цивилизации в цель, а культуры – в средство. Выживание человечества в третьем тысячелетии напрямую зависит от достижения обратного соотношения» (с. 52). Сказано блестяще. Согласимся с удовольствием. Превращение цивилизации в цель возможно только в результате

бессознательного освоения мира, *приспособления* к нему и себе как части этого мира. Превращение в цель *культуры* (чудесное «обратное соотношение») требует иного типа отношения к миру, *познания*, и иного типа управления всей информацией в распоряжении человека: управления от ума, от разума (а не от психики). Если этого не произойдет, «тушиковый путь» окажется впереди...

В-третьих, отметим научность как установку на обобщение, которое является, в свою очередь, инструментом абстрактно-логического мышления. Именно так: следует отдать должное тому, что учебное пособие написано с научных, а не с художественно-идеологических позиций. Еще недавно подобный комплимент выглядел бы сомнительным: глупо хвалить или ругать науку за то, что она наука. Сегодня, когда психологическое по сути приспособление путается

с познанием (не различаются принципиально разные типы отношений), когда в свете тотальной переориентации гуманитарных дисциплин на «приспособление к невозможности познавать» общее то и дело подменяется частным, универсальное – уникальным, общечеловеческое – национально-специфическим, сущность – явлением, целое – дискретным, понятие – образом, подобная оценка, увы, становится актуальной. Ничего само собой разумеющегося в гуманитарной культуре сегодня не осталось. Сознательная установка на научность, опять же, становится своего рода культурной акцией, даже в определенной степени – культурным вызовом. Вот бы и это закрепить в виде традиции...

Следует отметить, что хороших учебников и учебных пособий по гуманитарным дисциплинам крайне мало, а образцовых, по моему убеждению, просто не существует. Такова специфика современного гуманитарного знания (именно так все чаще называют гуманитарные науки): отсутствие сколько-нибудь общепринятых универсальных концепций, не говоря уже о законах, ведет к тому, что любая культурологическая версия обречена на известные «уклон» и «однобокость». Так сказать, на каждое мнение (а сколько культурологов – столько и мнений) не угодишь. Многомерность, тотальная диалектичность и «уклон в универсализм» плохо уживаются с «жанром» учебного пособия, где упрощенность просто неизбежна. Новое учебное пособие по определению должно быть относительно авторским и оригинальным. И.Е. Ширшов, грамотно ориентируясь в проблеме, прекрасно отдает себе в этом отчет: часть текста «представляет собой «сплав» устойчивых дисциплинарных знаний с интеллектуальными инновациями, новыми идеями, гипотезами, которые синтезируют общие (сходящиеся на ключевых проблемах) творческие прорывы гуманитарных наук разного профиля» (с. 9).

Таким образом, в книге представлена и развернута концепция, которая находит свое подтверждение в гигантском объеме материала. Само информационное изобилие порой едва удерживается на грани информационного излишества – на грани зыбкого перехода достоинств работы в то

Юрий Башмет
на «Славянском
базаре в Витебске»

качество, которое вызывает проблемы у читателя: материал, введенный в оборот, устремляется в бесконечность, выстраивается по принципу «всё обо всём». В культуре, оказывается, столько много всего...

Избранный способ подачи материала неизбежно имеет свои сильные и слабые стороны. Изложение огромного числа теоретических постулатов делает текст, с одной стороны, тезисным и пунктирным, с другой – этот способ рождает проблемы, которые сами же авторы удачно обходят тогда, когда неспешно разворачивают стратегические положения: я имею в виду неизбежное введение все новых и новых терминов, на которые нет никакой возможности реагировать даже блицкомментарием. Каждый из терминов является, так сказать, информационным поводом к новому повороту темы, к новому дискурсу, который грозит стать бесконечным. И тем не менее, термины введены и становятся тканью пособия. Можно было бы их сократить. Правда, тогда я не уверен, что удалось бы избежать замечаний по поводу недостаточной насыщенности необходимой терминологией...

Нет, пожалуй, с чувством меры в пособии все в порядке.

Во избежание двусмысленности подчеркнем: материал четко структурирован, мириады фактов – под строгим концептуальным контролем. А в этом уже проявляется искусство исследователя: все время ощущать и грамотно реализовывать установку: идти от общего – к частному, и ничто частное не оставлять без обобщения.

Любой фрагмент работы (по крайней мере, на формальном уровне, на уровне методики) подчинен сверхзадаче исследования: в этом сказываются и дисциплина мысли, и умение организовать материал композиционно, что для подобной работы было задачей не из легких.

Остановимся только на одном определении, принципиально значимом для культуры. Это, естественно, определе-

Выступает государственный хореографический ансамбль «Хорошки»

ние самой культуры. «Фундаментальное научно-рациональное определение культуры конденсирует ее образно-смысловые интерпретации. Культура – совокупность наращиваемых знаний, навыков, умений, смыслов, ценностей, норм, идеалов и концептов (ключевых «перекрестных» понятий и смысло-образов), передаваемых из поколения в поколение и обеспечивающих сохранение и преобразование общества, формирование и развитие личности, реализацию ею своих творческих задатков и способностей» (с. 20–21).

«Научно-рациональное определение» и «образно-смысловые интерпретации» разведены, что является серьезной методологической заявкой. По сути, это указание на главное в культуре, на то, что, собственно, и делает культуру культурой (в отличие от природы) – на преобладание разумного начала (в отличие от психического). Разум – вот локомотив культурного прогресса. Если этого нет, неизбежно актуализируется начало внеразумное, иррациональное – в варианте социально престижном, конечно, «божественное». Начало начал любой культурологии – система ценностей.

У нас есть все основания оценить «Культурологию» как замечательное учебное пособие, в достаточной мере креативное и, конечно, заслуживающее того, чтобы научная общественность обратила на него внимание. Именно такого рода работы и закладывают кирпичики в фундамент столь необходимых нам традиций – традиций, которые являются ментальными скрепами общества.

Что касается замечаний порядка концептуального или, во всяком случае, не частного, то их предъявить можно в том случае, если придерживаться принципиально иных методологических позиций. Я же, в основном, разделяю позиции авторов учебного пособия.

Если говорить о недоработках частного характера, то следует заметить, что в том формате разговора на предложенную тему, который задан уровнем учебного пособия, сбиваться на частности не то чтобы нет смысла, просто такое отвлечение не является определяющим. Здесь нет ничего частного, что не было бы связано с общим – и это замечательно.

Отметим справедливости ради, что в «Культурологии» присутствуют вещи спорные. Например: «Белорусское общество исконно формировало свои духовные основы на принципе приоритета идеалов культуры над идеалами цивилизации, отдавая предпочтение *идеалам гуманизма и возвращения к истокам*» (с. 69). Или: «В духовной атмосфере Беларуси... гораздо раньше, чем в Западной Европе, утвердилось ментальное представление о том, что принципиально важные судьбоносные проблемы решаются *совместно* религией, философией, наукой...» (с. 70).

Некоторая идеализация белорусской культуры, несомненно, присутствует в учебном пособии. Если это и патриотизм (по-человечески симпатичный и понятный), то уместно ли его проявление в такой форме? Но все это, так сказать, гносеологические мелочи, которые в целом не портят солидную теоретическую часть пособия. Теория культуры выполнена фундаментально и основательно, к тому же написана она в меру академическим слогом или, если угодно, достаточно живым. Чего стоит только один постулат, гениальный в своей потенциальной продуктивности: «Сами по себе духовные (религиозные) и нравственно-философские ценности в гуманистической культуре превращаются в ведущие, а художественные и интеллектуальные – в ведомые ориентиры культурно-цивилизационного прогресса» (с. 66). За это можно простить многие неувязки, если не все.

Большая часть пособия посвящена истории культуры, меньшая – теории. В принципе, это традиционный расклад практически всех существующих культурологий, где «теория» и «история» сочетаются не без проблем. Если теория в общем и целом была попыткой выявить природу человека как существа культурного, то в исторически организованном материале доминируют факты и артефакты. Хронологический принцип подачи материала здесь явно преобладает над причинно-следственным. Если не желать невозможного, то это можно расценивать как реальный уровень развития современной культурологии. Это вполне приемлемо.

Тщательно и скрупулезно – не скажешь, что написана, скорее – прописана история

На выставке живописи, графики и скульптуры в БГУ. Февраль 2011 года

культуры Беларуси. Этот блок – один из приоритетов авторов: он задуман как некое культурное собирательство, цель которого – введение в общественное сознание авторски отобранной культурной информации. Тут чем больше фактов – тем лучше. В этом смысле здесь большое поле для комбинирования. Предложенный вариант вполне имеет право на существование. Гораздо более солидным и проработанным, по сравнению с первым изданием, выглядит раздел «Культура России».

А теперь вернемся к тому, с чего начали. Дефицит традиционного начала в отечественной культурологии очевиден. Надо всячески приветствовать традицию всматриваться в труды коллег – философов, культурологов, литературоведов, для того чтобы разглядеть в этих трудах конструктивный культурологический потенциал. Это тоже работа, без которой немислим благожелательный и плодотворный культурный климат в стране. Известно: великая литература существует потому, что есть великие читатели. Точно так же замечательная культурология будет существовать тогда, когда найдутся квалифицированные и требовательные потребители культурной продукции.

Читатель должен быть, прежде всего, нормальным и адекватным реальности. «Культурология» под редакцией Игоря Евгеньевича Ширшова во многом показательна для сегодняшнего уровня развития теории и истории культуры в Беларуси. Уже одно то, что книга может вызвать у кого-то желание поспорить, надо квалифицировать как свидетельство здорового культурного вызова, полемического импульса, отчасти заложенных в книгу. Без куража и энтузиазма культурные ценности не создаются. Если появится следующая книга, учитывающая достойный уровень «Культурологии», то это будет своего рода культурным событием: рождением новой традиции.

Так, от книги к книге, от первого издания ко второму, от концепции к концепции и развивается научно-теоретическая культура.

Анатолий АНДРЕЕВ,
доктор филологических наук,
профессор